

УДК 378.4:929

doi 10.17072/2219-3111-2022-1-144-149

Ссылка для цитирования: Крих С. Б. Между восхищением и презрением: В.Т. Сиротенко как провинциальный историк // Вестник Пермского университета. История. 2022. № 1(56). С. 144–149.

МЕЖДУ ВОСХИЩЕНИЕМ И ПРЕЗРЕНИЕМ: В.Т. СИРОТЕНКО КАК ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ ИСТОРИК¹

С. Б. Крих

Омский государственный университет, 644077, Омск, пр. Мира, 55а

krikh@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-8220-9956

Researcher ID: M-5123-2016

Scopus Author: 57194386149

В данной рецензии на книгу, посвящённую жизни и творчеству историка поздней античности и раннего средневековья В.Т. Сиротенко, подчёркиваются принципиальные положительные черты проведённого исследования: использование большого круга литературы и источников (многие из которых тщательно собраны самим автором и впервые введены в научный оборот), продуманная методологическая позиция автора (отсутствие тенденциозности в освещении героя книги), публикация писем В.Т. Сиротенко и воспоминаний о нём. Несмотря на то, что в постсоветской историографии уже существует ряд работ о жизни и творчестве В.Т. Сиротенко и на то, что отдельное внимание исследователей уже было уделено вопросу о его противостоянии с «официозным» советским нарративом ранней средневековой истории, А.Г. Венгеру удалось внести в эту тему как собственное сбалансированное представление, так и предоставить читателю ряд новых документов, что позволило в итоге открыть историографические факты, которые способны во многом дополнить, частично скорректировать и в целом сделать казус В.Т. Сиротенко более полезным для понимания всей поздней советской исторической науки. Указываются также и сравнительно незначительные недостатки исследования: недостаточный общий анализ мемуарных свидетельств, отсутствие разъяснений для читателей касательно особенностей взаимодействия советских историков между собой, слабый анализ научного вклада В.Т. Сиротенко в тему варварских вторжений на территорию Европы в IV–VI вв. Отдельные технические недостатки также не способны изменить общего положительного впечатления от книги.

Ключевые слова: советская историография, история советского быта, советская медиевистика, провинциальная наука.

Книга А. Г. Венгера «Образы медиевиста и медиевистики: Василий Сиротенко» посвящена только одному герою, хотя и является частью общего плана автора по исследованию кафедры всеобщей истории Днепровского университета, на которой он и работает в настоящее время. Василий Трофимович Сиротенко (1915–2006) – советский, украинский и российский историк поздней античности и раннего средневековья, занимавшийся преимущественно проблемами взаимоотношений между Римом и варварами в период падения Римской империи и становления варварских королевств. Актуальность исследования его жизни и творчества отдельно автором не освещается (хотя можно здесь добавить, что сам Сиротенко считал своей главной заслугой борьбу с пережитками «революции рабов»), но поскольку герой книги преподавал в нескольких вузах (особенно долго в Перми, Днепропетровске и Армавире), то книга действительно дает возможность увидеть образы советской медиевистики, по меньшей мере провинциальной.

Работа состоит из нескольких разделов: «Биография жизни и творчества В. Т. Сиротенко» ([Венгер, 2021, с. 10–80], включающая краткий список основных дат жизни и творчества, список основных публикаций и достаточно подробный очерк деятельности), «Из эпистолярного наследия В. Т. Сиротенко» ([Там же, с. 80–134], в котором основную часть занимает переписка Сиротенко и М. Я. Сюзюмова, содержащая в общей сложности 25 писем, а также еще 4 письма различным адресатам), «Вспоминая В. Т. Сиротенко» ([Там же, с. 135–205], здесь приведены

воспоминания 14 коллег и студентов Сиротенко), а также небольшие разделы, примыкающие к последнему из названных: «“ДГУ – вид сзади” – кейс В. Т. Сиротенко» ([Там же, с. 206–210], представляющий собой выдержку из юмористических воспоминаний А. Г. Хмельникова) и «Сиротенковская папиана» ([Там же, с. 211–226], приводящая четыре публикации об имевшей отклик в прессе истории знакомства героя книги с Каролом Войтылой). Книгу завершает небольшая подборка фотографий [Там же, с. 227–233], именной и географический указатели, список сокращений.

Уже перечисление основных разделов позволяет увидеть, что А. Г. Венгер положил в основу монографии хорошую источниковую базу и что он щедро делится своими находками с читателем. Отсюда вырастают два очевидных достоинства работы: прежде всего ее насыщенность фактами и сбалансированная исследовательская позиция. Иными словами, А. Г. Венгер не пытается упрямо возвеличивать фигуру своего героя (это частая и во многом простительная тенденция возникает у многих историков науки, которые увлекаются биографиями героев собственных исследований), но избегает и гиперкритического отношения к нему. Стремление понять здесь преобладает над желанием точно определить, а это позволяет избежать наклеивания ярлыков. Можно было бы упрекнуть автора за то, что по некоторым вопросам биографии героя он избегает давать собственные умозаключения, но это было бы несправедливо: действительно, сложно сейчас сказать, правда ли имела место встреча между майором Сиротенко и семинаристом Войтылой (будущим папой Иоанном Павлом II), но зато вполне можно дать читателю представление о том, как рассказывал об этой встрече сам Сиротенко, какую реакцию это вызывало у его слушателей и какую – у биографов папы.

Более того, вообще некорректно вести речь об уходе от суждений, поскольку перед нами продуманная методологическая позиция: А. Г. Венгер изучает не только и не столько факты биографии Сиротенко, сколько их отражение и самим историком, и теми, кто его знал. Иногда автор дает читателю понять, что многое из рассказанного героем о себе не выдерживает критики реальностью: так, например, сложно представить себе, как молодой Сиротенко (в ту пору студент рабфака) смог организовать посылку родителям телеги пшеницы в 1932 г. за 350 км [Венгер, 2021, с. 23]. Но, как верно отмечает автор, важнее не то, знал ли Сиротенко идиш благодаря тому, что в детстве подрабатывал в еврейском местечке (и знал ли его вообще [Там же, с. 175]), а то, что впоследствии эта история стала важной частью репрезентации себя как полиглота [Там же, с. 23]. В саморепрезентации историка А. Г. Венгер отмечает несколько черт: то, что она подстраивалась под изменение общих условий (в советский период рассказывал об отце как о бедняке, в постсоветский – о том, как тот защищал односельчан от раскулачивания), и то, что со временем акцент с собственных научных достижений был перенесен на подчеркивание заслуг в годы войны.

Конечно, все детали биографии восстановить невозможно, как нельзя безусловно реконструировать и мотивы тех или иных поступков историка, которые оказывались определяющими в его жизни. Например, А. Г. Венгер характеризует смену после войны первоначального научного руководителя Е. А. Косминского [Там же, с. 30–31] на антиковеда А. К. Бергера как «разрыв их академических контактов» [Там же, с. 37], но это кажется некоторым преувеличением: прежде всего, вряд ли Косминский и Сиротенко (который стал заочным аспирантом МИФЛИ в 1939 г.) успели плодотворно пообщаться до того, как последнего призвали в армию в 1940 г.; во-вторых, после войны Сиротенко поступает в аспирантуру в другой вуз (Московский государственный педагогический институт) – соответственно, это и было причиной назначения другого научного руководителя. Видимо, не было ни как такового ученичества у Косминского, ни разрыва с ним, хотя следует признать, что утверждать этого однозначно мы не можем. Другой пример: переезд в Днепропетровск Сиротенко обычно объяснял заботой о здоровье жены (письмо Сюзюмову от 1976 г. [Там же, с. 125]), но в воспоминаниях есть и другая версия: «В Перми его подсел его воспитанник» [Там же, с. 141, 174]. Вряд ли сейчас можно понять, что из этого сыграло большую роль, но книга хороша именно тем, что дает возможность говорить разным голосам и фигурировать разным, иногда противоречащим друг другу объяснениям.

Вообще, следует подчеркнуть, что раздел писем содержит множество интересных деталей. Например, из них можно узнать, что идею возвести истоки концепта «революции рабов и

колонов» к концепции Н. Д. Фюстель де Куланжа подал Сиротенко не кто иной, как Сюзюмов (письмо от 30 октября 1966 г.: «Сталин дал только этикетку – назвал революцией то, что не считали революцией Фюстель и его продолжатели...» [Там же, с. 87]), или что Сиротенко в начале 1970-х гг. не считал В. Д. Неронову достаточно авторитетным исследователем (письмо Сюзюмову от 6 июня 1971 г. [Там же, с. 110]). Письма позволяют увидеть, что отношения Сиротенко с Л. Е. Кертманом далеко не всегда были натянутыми [Там же, с. 129, 174]: вряд ли даже Сиротенко с его иронией мог бы позволить себе использовать обращение *Leonus Magnus* [Там же, с. 131] к адресату, которого он бы откровенно недолюбливал (письмо относится к первым годам переезда в Днепропетровск). Впрочем, еще ранее А. Г. Венгер приводит выдержку из других воспоминаний, которая показывает то же самое изначально дружеское отношение: «Помню, как по коридору идет Кертман, а ему навстречу широким шагом Сиротенко – протягивает ему руку и крепко жмет» [Там же, с. 43].

Кроме того, воспоминания учеников и коллег о Сиротенко раскрывают не только его образ, но и образ его времени, что, конечно, тоже очень важно, в том числе и для целей исследования, хотя, на мой взгляд, автору стоило бы лучше акцентировать это для читателя. Например, спор между Сиротенко, пытающимся сдать кафедральные курсовые в макулатуру (которую меняли на книги), и старшим методистом кафедры ДГУ [Там же, с. 153]; Сиротенко, который с той же целью ждет, когда из соседней аптеки выбросят в мусор бумажные коробки из-под лекарств [Там же, с. 147–148]; Сиротенко, рассылающий домашнее варенье родственникам и знакомым [Там же, с. 149], – все это черты (до боли знакомые) позднесоветской эпохи с ее жесточайшим дефицитом самых обычных вещей. Только в таких условиях дар аспиранту нескольких дореволюционных изданий древних авторов мог казаться по-королевски щедрым.

Есть эпизоды воспоминаний, в которых показывается именно и исключительно личность, иногда проявляющая себя неожиданно трагически: «Сам В. Т. на тему общения с женщинами всегда говорил, что по жизни с женщинами ему было намного легче, чем с мужчинами. Один раз я его спросил: “в каком смысле?”. Он ответил: “Во всех. Женщины мягче и всегда ко мне относились лучше”» [Там же, с. 173]. Показательны и данные голосования за переизбрание Сиротенко на должность профессора кафедры всеобщей истории ДГУ в 1986 г.: 4 голоса «за» и 5 «воздержавшихся» [Там же, с. 67] – проработав на кафедре десять лет, он так и не стал органической частью коллектива.

Если говорить о том, чего действительно может не хватить читателю этой книги, то нужно указать на три принципиальных недоговоренности, разрешение которых могло бы сделать книгу только лучше. Прежде всего А. Г. Венгер дал возможность высказаться многим голосам мемуаристов, но не стал делать итогового анализа совокупного образа Сиротенко в воспоминаниях. А он, на мой взгляд, располагается между двумя полюсами восприятия его личности: *нонконформист* [Там же, с. 140] и «*брехло*» [Там же, с. 152]. В первом случае мемуаристы делают акцент на том, что профессор был пускай и странной, но интересной, неординарной личностью, в различных обстоятельствах оставался нечванливым человеком с искренними, пусть иногда и очень яркими реакциями на несовершенство окружающего мира. Для тех мемуаристов, кто оказался ближе ко второму полюсу, Сиротенко предстает как оригинал, который как раз увлекся внешним эффектом, производимым на студентов или коллег, и ради этой цели девальвировал свой статус серьезного лектора и ученого; по их мнению, в его эксцентричности не было чувства меры.

Действительно, если вероятность встречи майора Сиротенко с Каролом Войтылой еще можно оценивать, сопоставляя различные свидетельства и факты биографии обоих действующих лиц, то рассказы о танцах с Евой Браун, утверждения о том, что он был прототипом (или одним из прототипов) майора Вихря, пастора Шлага или Штирлица следует отнести к категории *поствоенного индивидуального фольклора*. Впрочем, возможно, и тут следовало бы сообщить читателю, что реакция на травмирующий опыт войны могла быть разной, в том числе и такой, как у Сиротенко: видимо, начавшись как ироническое переосмысление той героизации, что произошла с историей войны в кинокультуре 1960–1970-х гг., она перешла у него в фантазирование, увлекшее его помимо собственной воли. Книга хорошо показывает, насколько по-разному могли откликаться на это слушатели: некоторые добродушно посмеивались, другие жаловались в партийные органы.

К чести А. Г. Венгера нужно сказать, что он не обозначает ни явно, ни намеками того, какой из взглядов на героя книги оказывается ближе ему, и это, как уже было сказано, его исследовательская позиция, заключающаяся в том, чтобы по возможности оставаться над преходящими оценками и при этом честно познакомить читателя с их разнообразием. В этом отношении хорошим противовесом служит список наград Сиротенко [Там же, с. 12–13], который показывает, что его фантазирование о войне совсем не означает отсутствия реальных заслуг в военное время. При этом автор книги все-таки доносит до читателя важный вывод: со временем в самовосприятии Сиротенко на первое место выходит именно его военное прошлое, а не образ его как историка [Там же, с. 211]. С учетом вышесказанного, думаю, следовало бы добавить, что и в восприятии его окружающими произошла та же трансформация.

Второй момент, который было бы нелишним пояснить, касается тех особенных характеристик советской историографии, которые, если судить по контексту книги, очевидны для ее автора, но могут быть не вполне ясны читателям. Дело в том, что Сиротенко был прежде всего провинциальным историком – а это значит, что он усвоил те представления о правилах игры в советском историческом сообществе, которые устарели по сравнению с изменившимися правилами в Москве и Ленинграде. Правила эти были негласными, и это затрудняло их интуитивное восприятие на расстоянии, которое тем самым становилось куда более важным фактором, чем в других научных системах. Сиротенко неосознанно ориентировался на боевитый нарратив 1930-х гг., казавшийся неуместным в послесталинскую эпоху, и это стало причиной того, насколько негативно восприняли московские медиевисты его выступления на конференциях 1968–1969 гг. [Там же, с. 46–47]. В результате пермский историк был маркирован как опасный чужак, контакты с ним были фактически прерваны, и теперь ни он не мог понять столичных историков, ни они его¹. Достаточно сказать, что Сиротенко даже не имел полного представления о том, чего стоило в СССР официально издать монографию – его основная работа вышла из печати в виде двух учебных пособий [Сиротенко, 1973; Сиротенко, 1975], что позволило научному сообществу почти полностью пренебречь ее появлением. Этот разрыв, наряду с поздней защитой докторской диссертации (защищена в 54 года, утверждение произошло еще через четыре года), закрепил то, что он остался исследователем одной темы. И эта тема, как верно отмечает А. Г. Венгер, теряла свою актуальность в позднесоветский период.

В связи этим также кажется важной оценка эвристической ценности концепции Сиротенко в контексте как советской, так и современной научной традиции, и это третий аспект, которому в книге уделено сравнительно мало внимания. Советские историки по преимуществу построения Сиротенко не приняли, мотивируя это тенденциозным подбором источников с его стороны, но сама эта мысль аргументировалась либо кратко, либо вообще заявлялась как очевидная. Тем более необходимо проверить, достаточно ли было научных оснований для такого рода суждений. У Сиротенко были и зарубежные публикации – кажется, только две на немецком языке; имело бы смысл проверить, отразились ли они хоть как-то в зарубежной исторической науке.

Книга несвободна от некоторого количества технических и содержательных ошибок. В число советских историков, разрабатывавших по указанию Сталина теорию революции рабов, попал эмигрант М. И. Ростовцев [Венгер, 2021, с. 27–28], причем со ссылкой на статью автора этих строк².

Издание писем осуществлено с рядом нарушений принципа единообразия при расшифровке сокращений (например, «АДСВ» иногда расшифровывается [Там же, с. 122], иногда нет [Там же, с. 124]). Кроме того, местами представляется, что текст писем прочитан неточно: заметны рассогласования в построении фраз, трудно представляемые у таких грамотных людей, как Сиротенко и Сюзюмов (цитирую дословно: «Я в ужасе Вашему стилю – не могу спокойно читать – это стиль уничтожает все положительное, что есть в Вашей работе» [Там же, с. 94]). Есть и очевидные ошибки в прочтении: так, упомянутую в письме Сюзюмову дату «II.05» (письмо от 17 мая 1971 г. [Там же, с. 108]) А. Г. Венгер расшифровывает в примечании как «второе мая», что вряд ли возможно, поскольку в письме речь идет о начале защит дипломных работ, а день второго мая был в СССР выходным с 1928 г., кроме того, в тот год он выпал на воскресенье; полагаю, речь идет об одиннадцатом мая. Письмо № 3 от Сиротенко к Сюзюмову

([Там же, с. 95–98] и письмо № 4 от Сюзюмова к Сиротенко [Там же, с. 98–99] явно следует поменять местами.

Не вполне точен именной указатель: например, Л. Е. Кертман [Там же, с. 235] упоминается не только на с. 42, но также на с. 43, 129, 137, 174. Советского историка античности А. Д. Дмитриева автор книги несколько раз именуется Дмитриевым [Там же, с. 87, основной текст и прим. 221], хотя в другом месте приводит письмо Сиротенко, который как раз жалуется на то, что в его статье корректор совершил такое же «исправление» [Там же, с. 109]. Упомянутого в письме Сиротенко Фогта А. Г. Венгер определяет в примечании как Йоганнеса Фогта (1786–1863) [Там же, с. 114], хотя речь идет о Йозефе Фогте (1895–1986), поскольку Сиротенко упоминает его работу [Vogt, 1967] (вышла в Висбадене, но у Сиротенко указан Майнц, так как книга выпущена издательством Академии наук и литературы Майнца).

Указанные недочеты не способны снизить общего положительного впечатления, производимого книгой. Особенная ее ценность заключается в том, что ее главный герой – неотъемлемая, но и нетипичная личность для советской историографии поздней античности и раннего средневековья, и А. Г. Венгеру удалось осветить эти черты таким образом, что они предстают рельефными и запоминающимися.

Примечания

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 22-28-00519 «Разнообразие под видом единства: советский исторический нарратив 1960–1980-ых гг. (пример истории древности)»).

² Кажется, автор недооценил реакцию Гутновой на упоминание фамилии Сиротенко, которая, согласно одному из свидетельств, отмахнулась рукой при произнесении имени историка [Венгер, 2021, с. 156]. А. Г. Венгер комментирует это как признак противостояния Гутновой и Сиротенко («Эта критика-брань не была односторонней» [Венгер, 2021, с. 71]), но со стороны Гутновой, скорее всего, речь идет именно об игнорировании.

³ Моя исходная мысль в указанной статье была такова: некоторые советские историки использовали концепцию «крестьянского восстания» Ростовцева в качестве заготовки, которую они, сообразуясь со сталинским высказыванием, пытались переделать в «революцию рабов» [Крих, 2006, с. 228–229].

Библиографический список

Венгер А. Образи медієвіста та медієвістики: Василь Сиротенко. Вінниця: ТОВ «Нілан-ЛТД», 2021. 244 с.

Крих С. Б. «Революция рабов» в советской историографии 30-х годов XX века // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. – М., 2006. Вып. 17. С. 224–236.

Сиротенко В. Т. Введение в историю международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI вв. Ч. 1. Источники. Пермь, 1973. 175 с.

Сиротенко В. Т. История международных отношений в Европе во второй половине IV – начале VI вв. Пермь, 1975. 281 с.

Vogt J. Kulturwelt und Barbaren zum Menschenbild der spätantiken Gesellschaft. Wiesbaden, 1967. 68 p.

Дата поступления рукописи в редакцию 18.08.2021

BETWEEN ATTRACTION AND CONTEMPT: VASILIY SIROTENKO AS A PROVINCIAL HISTORIAN

S. B. Krikh

Dostoevsky Omsk State University, Mira av., 55-a, 644077, Omsk, Russia

krikh@rambler.ru

ORCID: 0000-0001-8220-9956

Researcher ID: M-5123-2016

Scopus Author: 57194386149

In this review of a book dedicated to the life and work of the historian of late antiquity and the early Middle Ages Vasilii T. Sirotenko, the reviewer emphasizes the fundamental positive features of the study: the use of a wide

range of literature and sources (many of which were first introduced into scientific circulation), the well-thought-out methodological position of the author (no bias in covering the hero of the book), and the publication of letters and memories of V.T. Sirotenko. Although post-Soviet historiography already has a number of works on the life and work of V.T. Sirotenko and special attention of researchers has already been paid to the issue of his confrontation with the “official” Soviet narrative of early medieval history, Venger managed to introduce both his own balanced view into this topic and provide the reader with a number of new documents, which eventually made it possible to discover historiographic facts that can largely supplement, partially correct, and generally make an incident of V.T. Sirotenko more useful for understanding the entire late Soviet historical scholarship. The reviewer also finds comparatively insignificant shortcomings of the study: insufficient general analysis of memoir evidence, lack of explanations for readers about the peculiarities of the interaction of Soviet historians with each other, weak analysis of the scientific contribution of Sirotenko on the topic of barbarian invasions of Europe in the 4th – 6th centuries. Certain technical flaws also fail to affect the overall positive impression of the book.

Key words: Soviet historiography, history of Soviet life, Soviet medieval studies, provincial scholarship.

Acknowledgments

¹ The study was supported by a grant from the Russian Science Foundation (project No. 22-28-00519 “Diversity under the guise of unity: Soviet historical narrative of the 1960s – 1980s (an example of the history of antiquity)”).

References

- Krikh, S.B. (2006), “Slave Revolution in Soviet Historiography of the 1930s”, *Dialog so vremenem*, Vol. 17, pp. 224–236.
- Syrotenko, V.T. (1973), *Introduction to the History of International Relations in Europe in the Second Half of the 4th – Early 6th Centuries. Part 1. Sources*, Izd-vo PGU, Perm, USSR, 175 p.
- Syrotenko, V.T. (1975) *The History of International Relations in Europe in the Second Half of the 4th – Early 6th Centuries*, Izd-vo PGU, Perm, USSR, 281 p.
- Venger, A. (2021), *Images of Medievalist and of Medieval Studies: Vasyl Syrotenko*, TOV «Nilan-LTD», Vinnytsia, Ukraine, 244 p.
- Vogt, J. (1967), *Kulturwelt und Barbaren zum Menschenbild der spätantiken Gesellschaft*, Verlag, Wiesbaden, Germany, 68 p.